

ПОВЕРИТЬ В ЧЕЛОВЕКА

Автор: Ольга Фукс

ВЛАДИМИР ПАНКОВ – ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР. ИГРАЕТ В ТЕАТРЕ, СНИМАЕТСЯ В КИНО, СТАВИТ СПЕКТАКЛИ. ИГРАЕТ НА КЛАРНЕТЕ, РОЖКАХ, ФЛЕЙТЕ, ДИДЖЕРИДУ, ГИТАРЕ, ЧАРАНГЕ, БАЛАЛАЙКЕ, ГУСЛЯХ, ДУХОВЫХ И ПЕРКУССИИ, НЕ ЗНАЯ НОТ. НО ГЛАВНЫМ ДЕЛОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ СЧИТАЕТ РАЗРАБОТКУ СИНТЕТИЧЕСКОГО ЖАНРА «САУНДРАМА», КОТОРЫЙ НАГЛЯДНО ИЛЛЮСТРИРУЕТ, ЧТО ТАКОЕ РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ ИЗ ДУХА МУЗЫКИ.

В его спектаклях Шекспир встречается с джазом, чеховская «Свадьба» – со «Свадебкой» Стравинского, а Марина Цветаева – с агрессивной панк-роком. Созданная им студия SoundDrama не имеет государственной поддержки, но уже прочно заняла свою особую нишу. И не только Москвы – Владимир Панков и его студия ставили «Молодца» Марины Цветаевой на языках оригинала, русском и французском, с актерами двух стран, чеховскую «Свадьбу» – в Минском театре драмы по-белорусски, а совсем недавно в знаменитом ташкентском театре «Ильхом» вышел его спектакль «Семь лун» по поэзии Алишера Навои. О том, как работает и выживает этот театр после гибели своего создателя Марка Вайля, рассказывает Владимир Панков.

Мне приснился сон – широкая дорога, по которой идет много людей, а у обочины сидит Марк Вайль. Однажды я с ним работал над «Дон Жуаном». Он был очень тонкий психолог. Одному артисту выстраивал все до последней черточки, а другому – ничего не понимал, что тот и сам дойдет. Любую обиду предпочитал перемолчать, перетерпеть и пойти дальше. Он был таким маленьким богом репетиции – очень трогательным и тонким. Я до сих пор не понимаю, за что его можно было убить?! Конечно, появилась какая-то официальная версия, но мы ведь знаем цену этим версиям.

А через какое-то время после того сна раздался звонок от нынешнего лидера «Ильхома» Бориса Гафурова – они как раз тогда

в Москве с «Орестеей» гастролеровали, и я увидел родственный тип театра. Мы встретились, и речь зашла о постановке русской классики, но для меня интереснее было соприкоснуться с традицией другой страны. Именно тогда начинаешь верить, что когда-то на земле жил единый народ. И мне предложили поставить Навои. Когда я увидел этот талмуд, понял, что с таким же успехом можно ставить Библию или Данте.

По-моему, в Узбекистане до сих пор царит феодальный строй, где все подчиняется хану (впрочем, у нас в России тоже все не просто). Люди там живут в постоянном страхе. Живут с банковскими карточками, но снять

музыку, – никому не нужен. Дескать, вашей студии пять лет? Ну, прожили же как-то без поддержки, живите и дальше. «Ильхомцы» точно так же экономят на всем. Скоро заканчивается срок аренды. Бедный Гафуров постоянно ищет деньги. При этом у них хорошая гастрольная судьба. И вообще это настоящий коллектив единомышленников. Взять хотя бы Артема Кима, музыкального руководителя театра. Он собрал грандиозную библиотеку современной классики – ему привозят ноты со всех стран. Постоянно устраивает концерты молодых композиторов, произведения которых никто не знает. А он вместе со своим коллективом «Омнибус» без всяких денег берется исполнять их музыку, чтобы они хотя бы услышали, что написали.

Перед началом репетиций я встречался с каждым артистом отдельно. Они подумали, что я провожу кастинг с чтением басни-прозы. Но я никогда никаких кастингов не проводил. Если я работаю в другом театре, то прежде всего прислушиваюсь к мнению художника, который знает: N давно не играл, а X лучше всех сыграет эту роль. Только так соблюдается баланс труппы, а иначе одни будут развиваться, а другие умрут творчески. А вообще-то, я считаю, что играть должен тот, кто сам пришел. Я и в Минске так же работал. Когда я сказал, что спектакль частично будет играть на староузбекском языке, они немного напрялись. Но... пришлось выучить свой родной язык. С ними работал специалист по староузбекскому, а себе я попросил сделать подстрочник, потому что никакой перевод не покажет, что именно имел в виду автор. Я это понял, когда работал над «Молодцем» Марины Цветаевой. Она ведь сначала написала его на французском языке, потом на русском. Когда я попросил подстрочник с французского, то был просто поражен – это же Софокл, Еврипид, Данте! По-русски «Молодец» звучит, как стилизованный лубок, а по-французски – это путешествие по загробному миру. «Ильхом» – русскоязычный театр, но звучание староузбекского было нужно мне не только для мелодики. Язык, праязык – это целый энергетический поток, некая дверь, открывающаяся

деньги не могут: банкоматов нет. Покупаю какую-то еду – подходит ко мне человек и просит: «Можно я за вас заплачу карточкой, а вы мне наличные дайте». Но одно дело политика, другое – люди: такие же гостеприимные, как и раньше.

У театра «Ильхом» нет никакой государственной поддержки – выживают сами. Наша SoundDrama в таком же положении – уникальный коллектив артистов, которые при этом танцуют, играют на инструментах, сочиняют

Gueraesed tatis nonsed
modoloreet dunt ver si
erostrud mod euismod
eugiam, velendre do
consecte mod mi

в глубь веков. И когда она приоткрывается, ты начинаешь воспринимать информацию не на уровне «Вася любит Маню», а на каком-то совершенно другом, подсознательном, уровне, который заставляет работать воображение.

Самое интересное начинается на репетициях. И в работе с французами, и с белорусами, и с узбеками я наблюдаю, как постепенно сквозь пласт национальных особенностей проступает главное – человек и душа. Самое сложное в сегодняшней жизни – пробиться сквозь нашу разобщенность. В нас прочно засел синдром самозащиты, особенно когда мы только встречаемся. Я же чувствовал, прежде чем мы с минскими актерами стали близкими людьми: «О, москаль приехал, сейчас сублимироваться будет». А когда студия SounDrama выпустила «Ромео и Джульетту», мне показали отзывы блоггеров: «А почему Джульетта – из хачей?» Наверное, такое сидит в нас уже на уровне ДНК, но каждый раз страшно сталкиваться с этим вновь.

У Чехова есть мысль – надо поверить человеку. Прежде всего человеку. Мы верим во что угодно: вот в этот стол, в магнитофон, в деньги, в черта, в Бога. Только друг другу не верим. А может, если бы поверили друг в друга, то и к Богу по-настоящему пришли. Когда артисты верят в меня, я – в них, мы можем ошибаться, но тогда идти вперед интересно. Ведь настоящий театр – маленькая модель мира. И начинаешь верить, что если на примере этой модели может произойти

такое чудо, что люди ужились вместе, не мешают друг другу, а любят друг друга, так, пожалуй, и мир таким может быть?!

Я не знаю, как восприняла ташкентская критика «Семь лун». Наши спектакли всегда принимают пятьдесят на пятьдесят – нормально, я считаю. Все очень субъективно. В кого-то попадают твои работы, в кого-то нет. Вдруг критики решат (или звезды сойдутся) и кого-то объявят гениальным. А ты смотришь – рядом другой человек делает по-своему, и тебе кажется, что не хуже. Просто у одного один путь, а другого – другой. Можно пойти по пути разрушения, как в фильме «Антихрист», и сказать – люди, вы ЭТОГО хотите? А можно – по пути созидания. И тот, и другой пути верные, потому что в человеке заложено и белое, и черное. И потому что «нет правды на земле». Может быть, я говорю сейчас правду, а может, лукавлю, но может быть и так, что я вру ради вашего спасения.

ДОСЬЕ

ВЛАДИМИР ПАНКОВ – актер театра и кино, режиссер, музыкант, фольклорист, композитор, руководитель музыкальной группы «Панк-квартет» и создатель студии SounDrama, где исповедуют принцип построения спектаклей по законам музыки.

«ИЛЬХОМ» – один из первых независимых театров на территории бывшего Советского Союза. В переводе с арабского название театра означает «вдохновение, которое посылает Бог». После убийства создателя театра Марка Вайля исполняющим обязанности худрука стал один из его ведущих актеров Борис Гафуров.

TO BELIEVE IN MAN

Author: Olga Fuks

VLADIMIR PANKOV IS A ONE-MAN BAND. HE PERFORMS IN THEATRE, ACTS IN MOVIES, STAGES THEATRE PRODUCTIONS. HE PLAYS THE CLARINET, THE HORNS, THE FLUTE, THE DIDGERIDOO, THE GUITAR, THE CHARANGA, THE BALALAIKA, THE GUSLI, WIND AND PERCUSSION INSTRUMENTS, AND HE DOESN'T EVEN KNOW HOW TO READ NOTES. BUT IT IS THE DEVELOPMENT OF A SYNTHETIC GENRE CALLED SOUNDRAMA, A VIVID ILLUSTRATION OF THE BIRTH OF TRAGEDY OUT OF THE SPIRIT OF MUSIC, THAT HE CONSIDERS HIS MOST IMPORTANT LIFE'S WORK.

Shakespeare meets jazz in his productions, Chekhov's "The Wedding" collides with "Les Noces" ("The Wedding") of Stravinsky, and Marina Tsvetaeva is mixed with the aggression of punk-rock. The SounDrama studio that he created is not state supported, but it has already carved out its own special niche. And not only in Moscow – Vladimir Pankov and his studio staged Marina Tsvetaeva's "The Swain" in its two original languages, Russian and French, featuring actors from the two countries, performed Chekhov's "The Wedding" in Byelorussian at the Minsk Drama Theatre, and most recently the famous Ilkhom Theatre of Tashkent featured his production of "Seven Moons", based on the poem by Alisher Navoi. Vladimir Pankov

recounts how this theatre operates and survives after the death of its founder Mark Weil.

I had a dream – a wide road with many people walking on it, and Mark Weil is sitting by the side of the road. I worked with him once on "Don Juan". He was a very astute psychologist. He would break down everything to the very last line for one artist, and would offer no explanations to another: he knew that the latter would figure everything out on his own. He preferred to suffer silently through any offence and move on. He was this little god of rehearsals – very touching and delicate. I still cannot understand why somebody felt the need to kill him?! There is, of course, some official version, but we all know what these versions are worth.

And then some time after that dream I got a call from Ilkhom's new acting director Boris Gafurov. They happened to be touring in Moscow at the

time with their production of “The Oresteia”, and I saw a kindred type of theatre. We met and began to talk about staging Russian classics, but I was more interested in coming in contact with the tradition of another country. For it is then that you start to believe that all the people living on Earth used to be one. And I was offered to stage Navoi. When I saw that Talmud, I realized that I could just as well stage the Bible or Dante.

* * *

I believe that Uzbekistan is still very much a feudal system, where everything obeys the khan (although, admittedly, things are anything but simple in Russia as well). People there live in constant fear. They have bank cards, but they cannot withdraw money: there are no ATMs. I was buying some food the other day, and this man approached me and asked, “Would you mind if I paid for you with my card, and you gave me cash instead?” But politics is one thing, and people – quite another: they are still as hospitable as before.

The Ilkhom Theatre has no state support, they survive on their own. Our SounDrama is in the same position – we are a unique group of artists, who also dance, play musical instruments, and even compose music, but nobody needs us. They say, your studio is five years old? Well, you managed somehow to survive without support, so keep on surviving. The Ilkhom actors are the same way – they nickel and dime everything. Their lease is up soon. Poor Gafurov is constantly looking for

money. At the same time they have a good touring fortune. And, generally speaking, it is a group of truly like-minded people. Take, for instance, Artem Kim, the theatre’s music director. He amassed a colossal library of modern classics – people bring him scores from countries all over the world. He constantly organizes concerts of young composers, whose works have never been heard before. And he together with his ensemble “The Omnibus” performs their music for free so that they could at least hear what they composed.

* * *

Before the rehearsals began I met with each actor separately. They thought that I was holding auditions with the reading of a fable in prose. But I never held any auditions. If I work at a different theatre, I listen to the opinion of the art director before everything else. The art director would know that N, for example, hasn’t performed in a while, while X would be better than anybody else for a particular role. That is the only way to keep the balance in the company; otherwise some will continue to develop, while others will die in the creative sense. As a matter of fact, I believe that the person chosen to play a specific role should be the one who comes on his own to get it. That is how I worked in Minsk as well.

When I told the actors that the play would be performed partially in the Old Uzbek language, they grew a little tense. But... they had to learn their native language. A specialist in the Old

Uzbek was working with them, and I asked to have a word-for-word translation, for no translation can ever show what the author had in mind. I realized that when I was working on Marina Tsvetaeva’s “The Swain”. After all, she wrote it in French first and then in Russian. When I asked for a word-for-word translation from French, I was completely blown away – it is Sophocles, Euripides, Dante! In Russian “The Swain” sounds like a stylized lubok1, but in French it’s a veritable journey through the afterlife. “Ilkhom” is a Russian-language theatre, but I needed the sound of the Old Uzbek not only for the melodies. The language, the ancestor language is an entire energy flow, a window, if you will, deep into the past. And when it is opened, you start to perceive the information not on the “Paul loves Mary” level, but on a completely different, subconscious level that puts your imagination to work.

* * *

The rehearsals are when things start to get interesting. Whether I’m working with the French, or with the Byelorussians, or with the Uzbeks, I always notice how the essence – the man and his soul – gradually emerges through the layer of national characteristics. Today’s biggest challenge is to break through our estrangement. The self-defense syndrome is firmly ingrained in us, especially when we meet somebody for the first time. I felt it myself, before the Minsk actors and I became close: “Oh, look, the Moskal’s2 here, now he’s gonna start sublimating himself.” And when the SounDrama studio released “Romeo and Juliette”, they showed me the reviews from the various bloggers: “Why is Juliette being played by a Khachik3?” I suppose that kind of thing is already rooted in our genes, but it is still frightening every time I come across it. Chekhov has this thought – we must believe in man. Man before everything else. We can believe in anything: in this very table, the tape recorder, the money, the devil, God. But we don’t believe in one another. But, perhaps, if we were to believe in each other, we would truly arrive at God. When the artists believe in me, and I believe in them, we can be wrong, but at least then it is exciting to move forward. Theatre, after all, is a small replica of the world. And you start to believe that if this small

DOSSIER

VLADIMIR PANKOV –
*theatre and film actor, director,
 musician, folklore specialist,
 composer, director of the music
 group “Pan-Quartet” and founder
 of the SounDrama studio, which
 preaches the principle of designing
 a performance according to the laws
 of music.*

“ILKHOM” –
*one of the first independent
 theatres of the former Soviet Union.
 Translated from Arabic the name
 “Ilkhom” means “inspiration
 sent from God”. After the murder
 of its founder Mark Weil, one of
 the theatre’s leading actors Boris
 Gafurov became its acting art
 director.*

replica is capable of producing such a miracle, where people get along together, where they love each other instead of getting in each other’s way, then perhaps the world can be like that also?!

I don’t know how the Tashkent critics received “Seven Moons”. Our productions are always accepted fifty-fifty, which I believe is normal. Everything is very subjective. Your works may touch some people and not others. The critics might decide (or the starts might line up) and somebody will be pronounced a genius. But you might look at another person who does things his own way, and you might think that his way is just as good. One person just happens to have one way, and somebody else has another. We could take the path of destruction, like in the movie “The Antichrist” and say, “people, is THIS what you want?” But we could also take the path of creation. Both are correct, because man has both the light and the dark inside him. And because “there is no truth on earth”. Maybe I’m telling the truth now, and maybe I’m being cunning, but it

*Gueraesed tatis nonsed
 modoloveet dunt ver si
 erostrud mod euismod
 eugiam, velendre do
 consecte mod mi*